

Е. Б. Рашковский

Политэкономия Большой Войны и матрицы тоталитарного строя

Аннотация. По убеждению автора, невозможно представить себе генезис тоталитарных движений и государств первой половины XX столетия без учета специфики Первой мировой войны – первой, по существу, глобальной и технологичной войны в истории человечества. Особенности протекания военных действий, техническое переоснащение армий, репрессии против мирного населения, милитаризация всей системы властных и гражданских отношений, истощение и деморализация тылов – всё это положило начало стремительному тоталитарному перерождению целого ряда европейских, а также и восточных обществ.

...Я новым именем покрою

Боль поражений и обид!

Анна Ахматова

Эта статья представляет собой переработку того относительно краткого доклада, который был прочитан мною в ноябре 2014 г. на конференции «Насилие и ненасилие в истории», организованной Комплексным научно-исследовательским отделом Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино¹.

Экономика и «война империй»

Как известно, конечный смысл хозяйственной деятельности заключается в процессах приращения и оптимизации общественного и личного богатства. Военная же практика (в том числе и практика нападающих держав) такого приращения не гарантирует, ибо война – всегда риск, и последствия его непредсказуемы. Однако развязывание войн предполагает расчет не столько на производственное, сколько на *насильственное* приращение (в виде новых территорий, природных, сельскохозяйственных и людских ресурсов, контроля

¹ Краткий отчет о конференции см.: Насилие и ненасилие в истории. 25-11-2014 – <http://www.libfl.ru/?page=225464809>

над торговыми путями, конфискаций, дани, репараций и т.д.). И в основе такого рода насильственных приращений лежит не столько производство благ, сколько *производство смерти*, т.е. истребление или истощение как можно большего объема человеческого потенциала («живой силы»), техники и хозяйственного потенциала противника.

В этом плане «приращения» войны воистину жизнеубийственны: интенсивные военные действия ведут к истреблению людей, к разрушению природных и культурных ландшафтов (вместе с памятниками и сокровищами культуры), к разрушению необходимой для жизни инфраструктуры, к разрушению отработанных правил и необходимых условностей в самих отношениях между людьми; к непомерному расходованию человеческих ресурсов и национальных достояний (включая и изматывающий труд населения тылов); к замещению устоявшихся, хотя и не всегда совершенных, правоотношений и отношений нравственных, системами чрезвычайных мероприятий, включая и мероприятия конфискационные и карательные.

Одной из стержневых проблем истории Первой мировой войны 1914-1919 гг. (от Сараевских выстрелов до Версальской конференции) оказался вопиющий перепад между реальной макроэкономической проблематикой начала XX столетия и устаревшими политическими институтами и складами сознания, перепад между убеждением в возможности силового (да притом и с помощью непривычного и беспрецедентно мощного оружия) разрешения новейших экономических проблем и скорого утоления новейших appetitов и амбиций. И стремительными следствиями этого перепада оказались:

- обвал складывавшейся мировой финансовой системы (прежде всего в лице «Латинского союза» – валютного союза Франции, Швейцарии и Италии, на который в значительной мере опиралась вся финансовая система предвоенной Европы) и обесценивание национальных валют,

- разрыв многочисленных и к тому времени уже прочно отлаженных цепочек экономических взаимозависимостей (напр., России – от германских технологий и научно-технической мысли, Германии – от российского хлеба и сахарной свеклы, Европы – от американского хлопка и продовольственных поставок, а также и от американских капиталовложений).

Авторитарное государственно-политическое мышление, вырвавшееся из опыта полуфеодального и бонапартистского прошлого и ориентированное по преимуществу именно на этот опыт, во многом несет ответственность за

разжигание и ход Большой войны², за казенную узурпацию порывов человеческой жертвенности и воинского героизма.

Российский историк-балканист проф. А. А. Улунян отмечал, что принятое в прежней советской историографии наименование Первой мировой войны – «империалистическая война» – не так уж неправомерно. Дело, однако, в акцентах. Империалистической она была не столько вследствие того комплекса социально-хозяйственных явлений, которые В. И. Ленин и Н. И. Бухарин обозначали понятием «империализм как высшая и последняя стадия капитализма», сколько, как полагает проф. Улунян, вследствие развязанной вслед за Сараевским убийством «войны империй» и связанных с ней и вырвавшихся на свободу этнических и государственных антагонизмов и ностальгий³.

Действительно, Большая война поставила на карту судьбы четырех великих и сакральных полуархаических сухопутных империй – империи Габсбургов, Османской и Российской империй и самой молодой из них, но – с мощнейшими архаическими притязаниями и с соответствующим идейно-политическим background'ом: Германской империи⁴. Важными акторами Большой войны выступали также морские колониальные империи Нового времени – Великобритания и Франция, а также совсем юные, на переломе XIX и XX столетий заявившие о себе колониальные империи Нового Света и Тихоокеанского бассейна: Соединенные Штаты и Япония (последняя являла собой причудливую, но взрывчатую смесь восточного цезаропапизма и военно-технического авангарда)⁵.

² Разумеется, в потенциально враждующих странах кануна Первой мировой войны находились опытные политики, предостерегавшие своих государей от скороспелых «силовых» акций в условиях обновившихся экономик и технологий. Так, кн. Отто фон Бисмарк, создатель Германской империи, отговаривавший молодого кайзера Вильгельма II от решительных силовых действий против России, понимал, что созданная им держава вошла в качественно новый этап своего существования: «Да, это другой мир, новый мир...» (Цит. по: *Ерусалимский А. С.* Бисмарк как дипломат (Вступительная статья) // *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 1. – М.: ОГИЗ / Соцэкгиз, 1940. С. XLVIII).

Можно вспомнить в этой связи и воистину апокалиптическую записку П. Н. Дурново Николаю II (февраль 1914), где уходивший из жизни консервативный политик и администратор пытался убедить своего императора не ввязываться в войну с Германией (записка была опубликована в 1922 г. М. П. Вельтманом-Павловичем на страницах журнала «Красная новь»). – Перепечатку этой публикации см.: <http://www.on-island.net/History/Durnovo.htm> (доступ 09.02.2015). «Главная тяжесть войны, – предсказывал Дурново, – несомненно, выпадет на нашу долю...»

³ См.: *Улунян А. А.* Греция в начале XX века: крах «Великой идеи». – <http://www.echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1488472-echo> (доступ: 09.02.2015)

⁴ Мне думается, историография еще не сказала своего слова по части роли оперной вагнерианской мифологии во возвращении и оформлении этих притязаний. Вообще, думается, героическая романтическая опера – при всей ее бесспорной чисто музыкальной красоте – оказалась как бы псевдолитургией европейских национализмов позапрошлого века.

⁵ См.: *Мещеряков А. Н.* Японский тэнно и русский царь: формирование модели управления. – М.: Гуманитарий, 2004.

Несомненно, этот «империалистический», а точнее – многоимперский элемент Большой войны явился одним из ее серьезных отягчающих факторов, ложившийся тяжким бременем и на государства, и на армии, и на несчетные массы мирного населения фронтовых и прифронтовых полос, и на тылы. Некомпетентное вмешательство авторитарных правительств в работу штабов и армий усугубляло это бремя⁶.

У нас же в России внутреннюю политическую дезорганизацию воюющей страны усугублял длившийся долгими десятилетиями конфликт между самодержавной властью и гражданским обществом. Авторитарным подходом к проблемам власти и общественной жизни (в сочетании с первыми поражениями войны) самодержавию всё же пришлось отчасти поступиться. Однако вынужденные запоздалые попытки подключения гражданского общества к защите страны (Союз земств и городов, Военно-промышленные комитеты, широкая публичная благотворительность), хотя и имели положительные результаты в области чисто военной (с весны 1916 г.), однако в области внутривластных отношений они лишь накаляли застарелую, но нарастающую вражду между обществом и царской бюрократией⁷.

Цена побед и поражений

Я уже говорил, как важно при анализе истории Большой («империалистической») войны принимать во внимание фактор отрыва властей предержащих от миро-экономических и технологических реальностей тогдашней Европы. Этим отрывом во многом объясняется и та ставка на блицкриг, которая делалась в первую очередь именно германским милитаризмом: оперативные планы мировой войны разрабатывались ее будущими участниками еще с 1890-х годов, однако, по словам Гюстава Ле Бона, именно кайзеровская Германия «бросила в переполненную до краев чашу ...последнюю каплю»⁸.

Причем, установка на блицкриг знаменовала собой просчет за просчетом.

Проведенный М. П. Вельтманом-Павловичем анализ германской военно-стратегической мысли кануна Первой мировой войны показал, что мысль эта, во-первых, недооценивала военное могущество Британии⁹, а, во-вторых, в

⁶ См.: *Гринберг Л. И.* Последний кайзер // Вопросы истории. М. 2005. № 6. С. 159-160.

⁷ См.: *Воронцова Е. А.* Предпринимательские организации в России: историография, источники, история – М.: Этерна, 2013. С. 404-410.

⁸ Цит. по: *Вельтман-Павлович М. П.* Империализм и мировая война // Четырехлетняя война 1914-1918 г. и ее эпоха. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат Т. 47. Переизд. 7: приложение. – М. 1925. Стлб. 20.

⁹ Как показал опыт обеих мировых войн, в относительно быстрой перестройке британской государственности на военный лад огромную роль сыграла не только мощь британского народного хозяйства, но и мощь гражданского общества, поддержавшего государство и армию.

надежде на казавшиеся мощными прогерманские силы внутри Соединенных Штатов, совершенно упускала из виду возможность вступления этой страны в войну на стороне англо-франко-русского союза¹⁰. Но я позволил бы себе несколько расширить эту мысль Вельтмана. Германская военная верхушка, одержимая идеями пангерманизма и ненавистью к «западным плутократам», недооценила глубину экономических, культурных и идейных взаимосвязей англо-саксонских народов, а также и лояльность тех меньшинств, на которые предполагала опереться кайзеровская администрация: их приверженность новой родине – Соединенным Штатам – оказалась сильнее, нежели глубина прежних (прогерманских или антироссийских) чувств...

Расчеты на блицкриг, опиравшиеся на военный опыт прошлого, недооценили также и изменившийся к тому времени технологический и организационный облик тогдашнего военного дела: механизацию, телефонное и радиообслуживание, авиаразведку, химизацию и массовизацию всего комплекса военных процессов. Сплошные и плотные, насыщенные современными технологиями и людскими массами фронты отодвинули в прошлое привычные методы стремительных маневров и внезапных фланговых ударов. Следствием уплотнения фронтов стали затяжные, изматывающие людей позиционные, «окопные» войны с периодическими кровопролитными, но всё же малоэффективными вылазками воюющих сторон¹¹.

Итак, установка на блицкриг, господствовавшая в правящих верхах и генштабах воюющих сторон, обернулась реальностью первых поражений (провал наступлений российской армии генералов А. В. Самсонова и П. К. фон Ренненкампа в Восточной Пруссии¹², с германской стороны – провал «Плана Шлиффена», с австрийской стороны – провал планов единовременного уничтожения Сербии), обернулась той изнурительной позиционной войной, которая внесла немалый вклад в дезорганизацию народного хозяйства и в деморализацию армий и тылов воюющих стран континентальной Европы.

Цена Большой войны, начавшейся ура-патриотическими восторгами среди народных масс вступивших в нее стран, оказалась воистину ужасающей. Жертвами прямых военных действий оказались свыше 22 млн. военнослужащих

¹⁰ См.: *Вельтман-Павлович М. П.* Указ. соч. Стлб. 1-42.

¹¹ См.: *Верховский А. И.* Развитие техники в мировой войне // *Четырехлетняя война и ее эпоха.* Энциклопедический словарь Гранат. Т. 46. Вып. 1-2. – М., 1925. Стлб. 142-160. Тяготы, которые несли рядовые участники позиционных военных действий 1915-1918 гг., составляют важную часть европейской и русской военной мемуаристики, а также и художественной литературы, относящейся к той эпохе (романы Р. Олдингтона, Э.-М. Ремарка, А. Н. Толстого и др.).

¹² Правда, неудачный восточно-пруссский блицкриг армий Самсонова и фон Ренненкампа, будучи провальным для России (на роковом для страны характере этого провала настаивает и А. И. Солженицын в первом томе «Красного колеса»), всё же обеспечил боеспособность и выживание Франции в первые месяцы войны (см: Восточно_Прусская операция ([17 августа – 15 сентября] 1914) // [ru.wikipedia.org/wiki/Восточно-Прусская_операция_\(1914\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Восточно-Прусская_операция_(1914)) (доступ: 07.11.2014).

и мирных жителей, из них на Россию приходится от 2,3 до 2,7 млн. (как тут не припомнить опасения П. Н. Дурново!)¹³.

Однако было бы несомненной ошибкой свести потери Большой войны к потерям фронтовым и к потерям среди гражданского населения фронтовых и прифронтовых полос.

«Бумеранг» Большой войны продолжал действовать и во времени, и в пространстве. Действовать и в демографии, и в экономике, и в управлении, и в людских сознаниях.

Тылы

Большая война во многом поставила под вопрос господствовавшую дотолу в неоромантическом – ницшеанском, вагнерианском, марксистском – сознании предвоенной Европы веру в «очистительную» миссию исторических насилий и войн. Хотя, разумеется, далеко не всегда и далеко не все способны были отдать себе отчет в этом обстоятельстве: инерции массового сознания определяются не опытом разума, но, скорее, силами эмоционального заражения¹⁴. Но, так или иначе, разрушительные труды Большой войны касались не только фронтов и прифронтовых зон, где, как правило, гибнут прежде всего самые отважные, бескорыстные и красивые (т.е. действуют силы отрицательного человеческого отбора), но и тылов. Само собой разумеется, что вследствие массовой мобилизации из социокультурного и хозяйственного оборота тылов выводилась самая активная и креативная часть мужского населения и пресс войны с особой силой ложился на женщин, подростков, детей, пожилых людей, что не могло ни сказываться на состоянии последующих поколений.

Большая война в странах, прежде всего, континентальной Европы привела к подрыву внутренних хозяйственных связей. Обратной стороной ужесточения хозяйственной дисциплины и бюрократизации общей системы экономических и хозяйственных связей оказались: регламентация закупочных и отпускных цен на хлеб, централизация хлебоснабжения (что означало дополнительную нагрузку на железнодорожную сеть, и без того перенапряженную в условиях войны), дефицит товаров массового потребления и особый размах спекуляции – от централизованной спекуляции сращенных с военно-бюрократическими структурами деловых кругов до массовой мелкой спекуляции на беспорядочных импровизированных базарных толкучках¹⁵. Весь

¹³ См.: Петроград: Центр содействия бизнесу. Статистические данные о Первой мировой войне. – <https://www.petrograd.biz/worldwars/start1.php> (доступ 07.11.2014); Потери в Первой мировой войне. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Потери_в_Первой_мировой_войне (доступ 07.11.2014).

¹⁴ Не случайно исследования позднего Зигмунда Фрейда в области массовой психологии были подсказаны опытом осмысления Большой войны.

¹⁵ Если вспомнить рассказ Ивана Бунина «Несрочная весна» (1924), эти импровизированные толкучки именовались в пред- и пореволюционной России «пупками».

этот комплекс явлений, когда людям в борьбе за выживание приходилось на каждом шагу изворачиваться и ловчить, не мог не провоцировать нравственную и культурную деградацию широчайших масс населения.

Оборотной стороной хлебного и сахарного дефицита оказался взрывной рост самогоноварения и сопряженные с ним пьяные дебоши на фронте и в тылу, изнасилования, грабежи, расхищение жизненно необходимого для фронта и тыла запаса медицинских спиртов, погромы спиртовых и винных складов¹⁶.

И как следствие общей разрухи и деморализации на просторах тогдашней Европы – от Эгейского бассейна и Кавказа до Северного, Балтийского и Белого морей – непрерывные в течение военных и послевоенных лет этнические и социальные войны, этнические чистки, еврейские погромы, – эта воистину «генеральная репетиция» грядущего Холокоста, за которую уже тогда было заплачено сотнями тысяч жизней¹⁷.

А уж далее последовали многомиллионные голодовки и пандемии как следствие общей антисанитарии, дефицита продуктов и медикаментов, развала санитарных, медицинских и коммунальных служб. «Испанка», «сыпняк» (т.е. сыпной тиф), сифилис, не говоря уже о смертях от массовых голодовок, простуд, грабежей, расстрелов и сексуальных насилий, унесли несравненно больше жизней, нежели сами спровоцировавшие их военные действия и соответственные насилия. Так, напр., пандемия «испанского гриппа» 1918-1919 гг. унесла до 5 % тогдашнего населения Земного шара (около 50 млн. человек), из коих на территории РСФСР – порядка 3 млн. человек, т.е. примерно 3,4 % населения Республики¹⁸. А уж если прибавить к этим трем миллионам многие миллионы жертв сыпного тифа и Великого голода начала 1920-х годов, во многом спровоцированного политикой «военного коммунизма» и «продразверстки»... Здесь даже страшно братья за калькулятор. А ведь впереди еще были жертвы коллективизации, сталинских репрессий, Великой Отечественной войны...

Вызванный Большой войной разлад всей системы быта, общежития, хозяйственных и гражданских связей имел своим следствием беспрецедентный выплеск массового девиантного поведения. Концентрация огромных солдатских масс, нередко дурно содержавшихся, нередко вынужденно праздных, стала важнейшим источником деморализации и массового девиантного поведения эпохи Первой мировой войны и долгих последующих лет. Я согласен с мнением серьезного историка нашей Революции – В. П. Булдакова, – что не

¹⁶ См. в этой связи: *Булдаков В. П.* Предисловие // Тверская губерния в годы Первой мировой войны. 1914-1918. Сб. документов. – Тверь: РЭД, 2009. С. 17-34.

¹⁷ См.: Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918-1922 гг.: Сб. документов / Отв. ред. Л. Б. Милякова. – М.: РОССПЭН, 2007.

¹⁸ См.: Испанский грипп – https://ru.wikipedia.org/wiki/Испанский_грипп (доступ 11.02.2015).

Среди знаменитых в Европе жертв «испанки» – Гийом Аполлинер, Макс Вебер, Эдмон Ростан, Яков Свердлов, Вера Холодная...

«пролетариат» и не левые оппозиционные движения (за исключением разве что малых экстремистских групп – большевиков, боевиков-анархистов, левых эсеров и др.), но именно деморализованные солдатские массы, насильно вырванные из привычных устоев и условностей жизни, оказались важнейшим фактором социального распада и тоталитарного перерождения континентально-европейских обществ первой половины прошлого века¹⁹. И это касается не только судеб России, но и Германии, Австро-Венгрии, Италии, балканских стран...

Матрицы

Так вот, именно в этом пункте нашего разговора, связанного с проблемой массовой человеческой деградации в условиях Большой войны, – самое время перейти к вопросу о матрицах последующего тоталитарного переоформления многих европейских обществ.

– Первой среди этих матриц я выделил бы *опыт массированной технологической войны на больших пространствах* прежде всего тогдашней Европы и сопредельных ей земель. Унифицированные и униформированные массы вооруженных людей, сплошные фронты, беспрецедентно развившиеся технологии массового поражения (газы, шрапнель, разрывные пули, массированные артобстрелы, бомбежки с воздуха, минные поля, бронированные средства передвижения и нападения, волчьи ямы, колючая проволока), массовые депортации и расправы с гражданским населением прифронтовых зон – всё это оказалось предпосылками радикального обесценивания индивидуальной человеческой жизни именно в ходе Большой войны. Характерное для гуманитарного и романтического XIX столетия представление о достоинстве человека-индивида заместилось представлением об операциональной роли «человека-массы»²⁰.

– Этот техно-милитаристский поворот в общественном сознании легко переносился бывшими фронтовиками и свидетелями событий Большой войны на любую из форм гражданской жизни, тем паче, что от 7 до 10 % населения воюющих стран было поставлено под ружье. Милитаризация общественного сознания в сочетании с массовой «механизацией смерти» (выражение российского историка Л. Г. Новиковой) и с резким удешевлением жизни как солдата, так тылового работника, приводило к становлению того ожесточенного

¹⁹ См.: Булдаков В. П. Указ. соч. С. 34-37.

²⁰ Выражение «Человек-масса» было пущено в оборот благодаря одноименной драме (1921 г.) немецкого писателя-экспрессиониста Эрнста Толлера (1883-1939).

человеческого контингента, который стал основной ударной силой последующих тоталитарных движений в странах Европы, а также наполнил собою все уровни управленческих структур – прежде всего в России, Италии и Германии, но также и в Австрии, Венгрии, в балканских странах, Польше, на Украине²¹. Преднамеренное причинение страдания другому человеку перестало быть зазорным...

–Большая война способствовала разогреванию культа государства в сознании, а в повседневной практике – разветвленной и мелочной централизации и, соответственно, развитию бесконтрольного бюрократического произвола, а в дальнейшем – и самоуправства полевых командиров. Государство самочинно присвоило себе божественные атрибуты всемогущества, всеприсутствия, всеведения, права на усугубление или смягчение людских страданий. И уж если говорить о сверхцентрализации власти, то еще в начале 20-х гг. прошлого столетия Иван Михайлович Майский изучил и проанализировал столь умилявший тогдашнюю социалистическую мысль (об этом будем говорить чуть позже) опыт германского «синдицирования», или, по определению Майского, «военного капитализма»²².

Разумеется, условия Большой войны требовали от государства высокой степени концентрации и централизации производительных сил. Однако в агонизировавшей кайзеровской Германии, вольно или невольно развязавшей войну на два фронта, эта потребность в концентрации и централизации удовлетворялась с некоей свирепой последовательностью.

Что же нового внесло «синдицирование» в организационный облик военной германской государственности и хозяйствования?

Уже с первых недель войны в стране была выстроена тройственная централизованная система военно-экономического администрирования:

1. *Kriegsamt* (буквально: «военное ведомство») при Прусском военном министерстве, со множеством региональных²³ и отраслевых подразделений (*Abteilungen*), призванных распоряжаться снабжением фронта, людскими и технологическими ресурсами страны и захваченных территорий, системой заготовок. *Kriegsamt* имел полномочия принудительно вводить все эти стороны жизни и хозяйствования в компетенцию «военно-акционерных» обществ, комитетов и бюро (вплоть до специализированного бюро по заготовке кошачьих и кроличьих шкур); к каждому из таких объединений приставлялся особый правительственный комиссар с широкими полномочиями.

2. *Kriegsernährungsamt* («военно-продовольственное ведомство»), распоряжавшееся сельским хозяйством, продовольственным снабжением,

²¹ См.: Новикова Л. Г. Первая мировая война: как человечество упустило свой шанс. – http://www.bbc.co.uk/russia/2014/10/141010_wwi_novikova_interview (доступ 14.10.2014).

²² Майский И. М. Германия эпохи мировой войны // Четырехлетняя война 1914-1918 г. и ее эпоха. Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7. Т. 47. Вып. 2. – М., 1925. Стлб. 209.

²³ Формально объединенная Бисмарком кайзеровская Германия всё же подразделялась на множество зависимых от «императорско-королевской» Пруссии королевств, герцогств и т.д.

соответствующим складским делом и регулированием продуктовой торговли. Это ведомство, имевшее собственный чиновный аппарат, распространяло свою власть и на деятельность муниципальных учреждений.

3. Reichswirtschaftsamt («имперское экономическое ведомство»), ассоциированное с имперским Министерством внутренних дел, ведало регулированием потребления через карточную систему²⁴, топливом, пошивом и продажей одежды, утилизацией промышленных, бытовых и пищевых отходов. И всё это – опять же – через дробную и разветвленную систему отраслевых бюро – вплоть до «Имперского бюро по заготовке бочек». Это же ведомство в значительной мере осуществляло и конфискационную экономическую политику на завоеванных территориях Российской империи.

Кроме того, военно-административным аппаратом Германии контролировалась и специально созданная для нужд войны система «трудовых сообществ» (Arbeitsgemeinschaften), созданная из представителей предпринимательских кругов и профсоюзов²⁵.

Непосредственно же Имперскому военному министерству и Генеральному штабу были подчинены Генерал-губернаторство Варшавское и «Военное государство (Militärstaat) Обер Ост», распорядившееся тремя территориями: Курляндией²⁶, Литвой и Белостоком-Гродно. Германским оккупационным властям принадлежала вся полнота распоряжения хозяйственной, общественной, культурной и религиозной жизни этих завоеванных у Российской империи территорий. И в «Обер Осте» также отработывались методы военно-административной диктатуры и конфискационной экономики.

Так, без формального огосударствления, полуфеодальный военно-бюрократический аппарат подчинил себе и производство, и распределение, и область технологических разработок, и рабочее движение, и институты оккупационного режима. Воистину – описанный Марксом и Энгельсом на страницах «Манифеста» «феодальный социализм»...

Немного позднее этот метод дробной и разветвленной военно-хозяйственной институционализации (при почти полном, однако, огосударствлении всех систем производства и потребления) был заимствован нашими большевиками – вплоть до дробной системы «главков» в годы

²⁴ Для справки. Хлебные карточки (как и продотряды для реквизиции хлебных «излишков») – изобретение Великой французской революции.

Начало карточной системы в России относится к весне 1916 г.; она продержалась до перехода к НЭПу (1921) и, возобновившись в 1929 г., длилась с краткими перерывами до 1947 г. Рецидивы карточной системы (талоны на муку, водку, табачные изделия, мыло, чай, сахар, дамское белье...) относятся и к последующим периодам, покуда указом Президента России Б. Н. Ельцина от 2 января 1992 г. не были «отпущены» цены.

²⁵ См.: *Майский И. М.* Указ. соч. С. 209-214. Ослабленной российской репликой этой германской системы «трудовых сообществ» оказались российские «военно-промышленные комитеты».

²⁶ Курляндия была аннексирована Германией в 1917 г., но затем перешла в состав Латвийской Республики.

«военного коммунизма» (Главрыба²⁷, Главспирт, Главспичка, Главгвоздь, Главпиво...); а еще позднее эта система – *mutatis mutandis* – легла в основу советской «административно-командной системы» всей организации жизни: фактически подчиненные ЦК отраслевые наркоматы (с 1946 г. – министерства) – центральные «главки» – отраслевые структуры на местах, *de jure* подчиненные местным Советам, но по существу – централизованной партийно-государственной верхушке...

– Таким образом, «политэкономия» Большой войны прямо или косвенно вела к уничтожению многовековых наработок народов Европы по части развития гражданской жизни – вплоть до уничтожения последней (вместе с миллионами не только поставленных под ружье, но и мирных людей). Предельный случай такого уничтожения в период Первой мировой – развязанный младотурецкой верхушкой и проработывавшийся в штабах армянский геноцид 1915-1918 гг. (порядка полутора миллионов убитых); некоторым соответствием этому явлению выступали взаимные греко-турецкие резни на землях Эгейского бассейна (Анатолия, Острова, Салоники и окрестности...); отдаленным соответствием этого явления выступали антиеврейские этнические чистки со стороны российского «христоролюбивого воинства».

О чистках последнего порядка следует сказать особо: насильственные депортации евреев в глубинные губернии России (в сочетании с грабежами и погромами) коснулись примерно 350 тыс. человек (преимущественно российских, и в меньшей степени австрийских подданных). Особая личная ответственность за эти акции лежит на начальнике российского Генштаба Н. Н. Янушкевиче и на главнокомандующем – великом князе Николае Николаевиче²⁸.

Немалой предпосылкой разрушения гражданской жизни последующей Европы оказалась та ярость, с какой истребляли друг друга поставленные под ружье сражавшихся друг с другом армий представители одних и тех же религиозных, этнических и культурных сообществ: католики убивали католиков,

²⁷ Вспомним булгаковский «Абырвалг».

²⁸ См.: Миндлин А. Б. Государственная Дума Российской империи и еврейский вопрос. – СПб.: Алетейя, 2014. С. 382-383; Шульман А. Братья по вере: На фронтах Первой мировой войны в противоборствующих армиях сражалось полтора миллиона еврейских солдат. – <http://www.rusplt.ru/ww1/history/bratya-po-vere-velikkoy-voiny-14211.html> (доступ 18.11.2014).

православные – православных²⁹, поляки – поляков³⁰, евреи – евреев³¹, социалисты – социалистов, масоны – масонов... Во всяком случае, обесценивание нормальных и устоявшихся человеческих связей, вкупе с общим обесцениванием человеческой жизни как таковой, оказалась немалым вкладом в будущие процессы тоталитарной институционализации: лояльность скороспелой насильнической власти перечеркивала все иные лояльности.

– Одной из несомненных матриц будущего тоталитарного государственного строительства стал *конфискационный характер военной* (и в особенности – оккупационной) *экономики* той эпохи: экспроприации, реквизиции, массовые постои, «подводная повинность», выкупы за бесценки у населения оккупированных территорий продовольствия, дров, лошадей и фуража, прямые грабежи. Последние восполняли неповоротливость и коррумпированность военно-снабжениеского аппарата, а также оказывались следствием общей обстановки насилия и беззакония в отношении гражданского населения. Позднее принцип беззаконного отъятия материальных благ у представителей «чуждых классов» и/или «чуждых рас» (вкупе с их физическим уничтожением) стало одним из базовых принципов идеологизированной экономики «партийных государств» – этих верховных собственников и распорядителей всех материальных, жизненных и духовных ресурсов наций.

Политическая мысль: от «военного капитализма» к «военному социализму»

В качестве примера влияния организационно-экономического опыта Большой войны на политическую мысль, а через нее – и на политические судьбы народов, я привел бы идеи трех мыслителей-государственников тогдашней Европы – В. И. Ленина (1870-1924), Карла Баллода (Карлис Балодис, 1864-1931), Освальда Шпенглера (1880-1936). При всей разнице их идейных позиций (первый – леворадикальный марксист-ортодокс, второй – государственный-левоцентрист, третий – откровенный праворадикал), – для всех троих характерно вольное или невольное восхищение военно-бюрократической

²⁹ Особенно – на балканских фронтах.

³⁰ По данным польского историка Анджея Неуважного (Nieuważny), из трех млн. поляков, находившихся в составе армий враждующих государств, погибло полмиллиона. Эти данные были озвучены историком в его лекции «1914-1918 – забытая война?» (Посольство Республики Польша в Москве, 03.04.2014).

³¹ Из шестимиллионного еврейского населения Российской империи под ружьем Российской армии в 1914 г. находилось 400 тыс., а в 1916 – 600 тыс. человек. Казенная погудка о «предательстве» и скверных воинских качествах русских солдат-евреев опровергалась уж тем обстоятельством, что 40 воинов-евреев стали кавалерами «полного банта» (т.е. четырех Георгиевских крестов). А среди евреев и караимов, удостоенных Георгия, были такие прославившиеся в будущем люди, как вице-адмирал Александр Сапсай, певец Марк Рейзен, маршал Родион Малиновский, писатель Виктор Шкловский... (см.: Еврейские корни. Генеалогический портал. – http://j.-roots.info/index.php?option=com_content&view=article&id=246&Itemid=246 (доступ – 06.10.2014)

системой хозяйствования Германской империи в ходе Большой войны; все трое усматривали в вынужденном германском военно-бюрократическом «синдицировании» (т.е. в централизованной, разветвленной по отраслям и потому дробной системе отраслевых «главков»)³² непосредственную предпосылку социалистических преобразований.

В. И. Ленин. Одна из доминантных его идей в канун Октябрьского переворота – требование учесть в будущем социалистическом государственном строительстве опыт германского военно-промышленного дирижизма: отраслевые «вертикали» (да простится мне обращение к нынешней российской казенной терминологии) мыслились Лениным как бесспорная предпосылка социалистического переустройства на основе огосударствления всех хозяйственных функций и процессов; государственный социализм представлялся Ленину желанным плодом Большой войны:

«...война за три года подтащила нас вперед на тридцать лет, создала в Европе всеобщую трудовую повинность и принудительное синдицирование предприятий, довела самые передовые страны до голода и неслыханного разорения, заставляя делать шаги к социализму»³³.

А в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (сентябрь 1917) Ленин призывал к социалистическому переустройству на путях преобразования «военно-государственно-монополистического капитализма» в социалистическую государственность посредством революционного террора против «угнетателей»³⁴...

Карл Баллод. Уроженец Латвии, первоначально лютеранский пастор в уральском Златоусте, далее – представитель российского, а далее – германского катедер-социализма. Кстати сказать, это человек, немало сделавший для российской демографии в плане статистического изучения православного населения России; в 1898 г. он обосновался в Германии, а в 1914 г., сотрудничая с упомянутым выше Имперским экономическим ведомством, участвовал в разработке системы продовольственных карточек для тыла. С провозглашением Латвийской республики перебрался в Ригу и стал одним из создателей университетского дела на своей родине.

Фигура, как мы видим, многозначная.

В 1898 г. Баллод издал в Германии (под псевдонимом Атлантикус) книгу «Государство будущего. Производство и потребление в социальном государстве»; в этой книге он настаивал на необходимости огосударствления

³² Справка для любителей исторической конкретики. Одним из важнейших архитекторов этой системы «синдицирования» был промышленник и либеральный политик Вальтер Ратенау (1867-1922). Антропософ, сторонник синтеза идей государственно-экономического дирижизма и либеральных принципов общественного порядка, сторонник соблюдения условий Версальского мира и одновременного стратегического сближения с Советской Россией, он был убит фашистскими боевиками. Убийство имело также и антисемитскую подоплеку.

³³ Ленин В. И. Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие. [Авг.-сент. 1917] // Полн. собр. соч. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. С. 113.

³⁴ См. : Там же. С. 190-191.

всего цикла производства / потребления как на основе социальной справедливости. Не случайно некоторые историки считают Баллода едва ли не первым теоретиком «построения социализма в одной, отдельно взятой стране». Второе, переработанное издание «Государства будущего» (1919) имело немалый успех среди большевистских интеллектуалов России. В 1920 г. Баллод посетил агонизировавшую в «военном коммунизме» Советскую Россию, а год спустя его «Государство будущего» (с соответствующими добавлениями) было выпущено московским Госиздатом³⁵.

Автор второго издания «Государства будущего», обобщая опыт германской военно-промышленной политики времен Большой войны, знает, по существу, всё на свете: что вся собственность подлежит огосударствлению; что в области фабрично-заводского производства, равно как и в системах образования, эффективны лишь крупные институции; знает, как надо реализовать корнеплоды и ботву сахарной свеклы; сколько работников должно быть занято на фортепианной фабрике... И всё это знание – по убеждению Баллода – есть следствие опыта Большой войны, подсказывающего, как организовать социализм в одной стране на базе милитаризованного хозяйства и экономической автаркии.

Молодой же Советской России Баллод рекомендует наращивание сырьевой составляющей народного хозяйства (в сочетании с колониально-хлопковой монокультурой в Средней Азии) и экспроприацию мелкокрестьянских хозяйств в целях укрупнения и укрепления аграрной базы российского социализма³⁶.

Но что интересно, – даже умеренный интеллектуал-большевик (и, кстати сказать, бывший народоволец) Николай Леонидович Мещеряков (1865-1942) в своем послесловии к русскому изданию книги Баллода возражает против идеи экспроприации русского крестьянина ради казенных латифундий³⁷.

Третий мыслитель социалистического направления – на сей раз с крайне правого фланга немецкого политического спектра – **Освальд Шпенглер**, чей «Закат Европы», точнее даже – «Закат Западного мира (Abendlandes)», с обоснованием «монадного» характера враждующих в мире цивилизаций до сих пор соблазняет десятки тысяч историков, публицистов, политиков, книжных эрудитов и культурфилософствующих дилетантов...

Социалистический проект Шпенглера – сродни идеям германского так называемого «национал-большевизма» – течения, позиционировавшего себя как правое в области политики (национализм) и левое в области социально-экономических отношений (этатизм, антилиберализм, государственная политика

³⁵ Баллод К. Государство будущего / Пер. с нем., со 2-го, совершенно переработанного изд. А. И. и И. И. Рубиных. – М.: Гос. книгоиздательство, 1921.

³⁶ См.: Там же. С. 160-171.

³⁷ См.: Там же. С. 177-178. Увы, дальнейшая история советской деревни пошла по Баллоду (точнее, по Сталину), отчего постсоветские государства не в силах оправиться – ни социально, ни психологически – по сей день... А уж гибель миллионов людей в Казахстане на почве «обобществления» кочевого хозяйства – особая, и поныне кровоточащая тема...

перераспредела материальных благ)³⁸. Отсюда – и самоопределение этих течений как «консервативных революционеров».

Книга Шпенглера «Пруссачество (Preussentum) и социализм» была написана в оригинале в 1920 г., т.е. по горячим следам Большой войны, военного поражения Германии и германской революции 1918-1919 гг. Согласно Шпенглеру, социализм – здесь его отличие от Ленина и Баллода – означает не отъем собственности, но националистическую мобилизацию общества при безусловном экономическом дирижизме тотальной власти; путь к обобществлению производства и социальной справедливости пролегает не через мелочное огосударствление всех и всяческих предприятий и видов собственности, но через возрождение и развитие прусских традиций военно-административного правления³⁹: «...социализм означает власть, власть и снова власть⁴⁰. Планы и мысли – ничто без власти»⁴¹.

Конвергентный характер этого принципа *командных высот* по отношению к ленинско-сталинской версии социализма (с той же, по существу, идеей самоценности власти в социальном строительстве) была лапидарно описана в великом романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Есть в романе такой эпизод: интеллеktуал-эсесовец Лисс безуспешно пытается обольстить попавшего в гитлеровский концлагерь старого большевика Михаила Мостовского, чтобы использовать его в нацистской пропаганде:

«В чем причина нашей вражды, я не могу понять ее... Мы форма единой сущности – партийного государства. Наши капиталисты не хозяева. Государство дает им план и программу. Государство забирает их продукцию и прибыль. Они имеют шесть процентов прибыли для себя – это их заработная плата. Ваше партийное государство тоже определяет план, программу, забирает продукцию, Те, кого вы называете хозяевами, рабочие, – тоже получают заработную плату от вашего партийного государства. /.../

И над нашим народным государством красное рабочее знамя, и мы зовем к национальному и трудовому подвигу и единству, и мы говорим: «Партия выражает мечту немецкого рабочего». И вы говорите: «Народность, труд». Вы, как и мы, знаете: национализм – главная сила двадцатого века. Национализм – душа эпохи! Социализм в одной стране – высшее выражение национализма!»⁴².

³⁸ Исторически национал-большевизм явился частью генезиса гитлеровского национал-социализма; его влияниями в начале 1920-х гг. были затронуты Геринг и Гиммлер. После захвата Гитлером власти часть национал-большевиков была репрессирована, некоторая часть перешла в явную или неявную оппозицию (вплоть до перехода на позиции коммунизма), а некоторая – в стан победивших нацистов. Но сути проблемы эти исторические нюансы не меняют.

³⁹ См.: Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г. Д. Гурвича. – М.: Праксис, 2002. С. 142-147.

⁴⁰ Nota bene. Удивительное совпадение с ленинской суггестивной стилистикой: «Учиться, учиться и учиться!»

⁴¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 157.

⁴² Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М.: АСТ / Хранитель, 2008. С. 401-402.

Однако, согласно роману Гроссмана, на стороне сражавшейся с гитлеризмом Советской России, в конце концов, оказались не социализм и не национальный вопрос, но врожденное человеческому естеству безотчетное чаяние достоинства и свободы и подлинное чувство Родины как мерило достоинства и свободы. Это чувство было утрачено германскими националистическими «интеллектуалами». Однако, – худо-бедно, но его сохранили в себе лучшие люди России, включая интеллигенцию и «простых людей», которые на поверку оказались не так уж просты. Именно это интуитивное, но неуничтожимое в человечестве чаяние, согласно Гроссману, и оказалось повсеместным историческим противником тоталитарной власти⁴³: будь то в Сталинградской битве, будь то в кабинете ученого, будь то в семейной любви, будь то в полупринужденных разговорах на кухне или же в шепоте на тюремных нарах...

Но что важно для нашего исследования: эта этатистская конвергенция «левой» и «правой» социалистической мысли и практики – российской и германской – была не случайным и во многих отношениях закономерным следствием Большой войны, включая и экономические ее аспекты. Речь шла о тогдашнем общеевропейском кризисе конституционализма и либеральных институтов, о тогдашнем торжестве силы над законом⁴⁴, о торжестве силовой политики над экономикой.

*

Влияние Большой войны с ее культом жестокости, насилия и власти на художественный опыт Европы, а вслед за ней и остального мира – тема, отчасти выпадающая из рамок настоящего историко-теоретического исследования. Тема прежде всего искусствоведческая, однако имеющая всё же и политэкономические обертоны.

Связанные с обесцениванием человеческой жизни садомазохистские темы в последующем творчестве экспрессионистов⁴⁵, сюрреалистов и

⁴³ См.: *Рашковский Е. Б.* Феноменология свободы, или разговор о структурах и смысле человеческой свободы // Вера. Мысль. Выбор / По материалам Зёрновских конференций 2012-2013 гг. – М.: Рудомино, 2014.

⁴⁴ См.: *Медушевский А. Н.* [Рец.:] Шейнис В. Л. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX-XXI веках. – М., 2014 // Pro et contra. М. 2014. Янв.-апр. Т. 18. № 1-2 (62). С. 141-142.

⁴⁵ Было бы несправедливо огульно обвинять в садомазохизме весь комплекс экспрессионистского художественного наследия. Великий немецкий скульптор – экспрессионист Эрнст Барлах (1870-1938), пошедший из патриотических соображений на фронт, но разочаровавшийся в героике Большой войны, создал свою особую художественную доминанту – доминанту любви и сострадания. И не только к соплеменникам-немцам, но и к русским людям. И не случайно он преследовался гитлеровцами как представитель «чуждого», «дегенеративного» искусства: можно вспомнить его изгнание из Прусской академии искусств, официальный запрет на экспозиции, переплавку его скульптур, размещенных в музеях и лютеранских церквях.

множества «соцреалистов»⁴⁶, развитие садических эффектов в кинематографе – вещь самоочевидная, хотя и в полном объеме искусствоведами не обобщенная...

Так или иначе, идеология сознательного причинения страдания и смерти подлинному или мнимому противнику стала одной из идеологических и эстетических доминант последующей жизни – и в Европе, и за ее пределами. И эта ситуация, позднее разрешившаяся Второй мировой и сменившей ее «холодной» войной, когда сама жизнь превратилась в сырье для «власти, власти и снова власти» (Шпенглер), оказалась в политике, мысли и культуре прошлого столетия, по существу, тупиковой. Если и удавалось в какой-то мере вырваться из этой ситуации, – то не только объективными стремлениями людей вырваться из этого тупика, но и сознательными усилиями таких исторических деятелей, как Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, «добрый папа» Иоанн XXIII, «славянский папа» Иоанн-Павел II, протоиерей Александр Мень, позднее – Нельсон Мандела. Но за личным подвигом этих людей прямо или косвенно стоял огромный всечеловеческий духовный и культурный опыт – опыт чтения Евангелия, медитации, молитвы, углубленных размышлений над наследием Иммануила Канта и Льва Толстого⁴⁷... Этот духовный прорыв был тем более исторически важен, что идеологический и националистический абсолютизм, вольно или невольно оказавшийся предпосылкой, мотивацией и знаменем Большой войны, был способен, скорее, запутывать, нежели решать сложнейшие проблемы истории.

Разумеется, историческая наука, в конечном счете, не допускает сослагательного наклонения. И всё же, на мой взгляд, небесполезно было бы прислушаться к мнению нынешнего российского историка. Как полагает В. С. Авдеев, – не смешай все карты Большой войны Русская революция и доведи Антанта вкупе с царской Россией войну «до победного конца», – возникли бы (куда ни глянь) новые неразрешимые проблемы: судьбы и самоопределение народов Центральной Европы, Балкан и Ближнего Востока, Рейнской области и добитой союзниками Османской империи, не говоря уже о процессах внутреннего истощения, ожесточения и брожения в самой России, включая и этнические ее окраины⁴⁸...

Некоторые выводы: к политэкономии Большой войны

⁴⁶ Обсуждение обилия садических образов в политических стихотворениях Маяковского (от «Левого марша» до стихов парижского и американского циклов) хотя и не под запретом, но негласно включено в разряд «неприличных» тем: ведь сам поэт – жертва воспетого им режима.

⁴⁷ См.: *Рашковский Е. Б.* На оси времен. Очерки по философии истории. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 85-132.

⁴⁸ См.: *Авдеев В. С.* Русская дипломатия, публичная и тайная. 1914-1917. – <http://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1338916-echo/> (доступ 10.11.2014).

Целью нашего историко-теоретического исследования было показать, как из жизнеистребляющих тенденций Большой войны зародилась *антижизнь*, *противожизнь* тоталитарных институционализаций.

«Производство» Большой войны было производством безусловно затратным, расточительно затратным. Большая война знаменовала собой массовое истребление людских, природных, материальных и ландшафтных ресурсов, равно как и ресурсов организационных (рынок, парламентаризм, добровольные ассоциации, вероисповедные и культурные контакты), разрушение культурных, из поколения в поколение передававшихся основ и кодов человеческой жизнедеятельности. Подчас с трудом дающиеся людям правила и условности культуры уступали место прямому, самого себя оправдывающему насилию.

А что производила война? – Прежде всего *власть и ненасытные властные и материальные притязания*⁴⁹ и связанные с ними новые формы принудительной социальной и политической организации.

Большая война знаменовала собой огрубение и упадок тех тонких и мирных производств, которыми славились дотоле Европа и Россия⁵⁰, знаменовала собой заполнение легальных и нелегальных европейских рынков некачественными пищевыми и промтоварными эрзацами.

Однако здесь не всё так просто. Военные потребности и заказы вызывали к жизни множество научных и технологических разработок, связанных прежде всего с новыми потребностями фронтов и тылов, с потребностями военно-медицинского, санитарного и гигиенического дела. В этом плане развитие военных, околовоенных, а также военно-медицинских технологий оказалось одним из факторов многозначного научно-технического прогресса⁵¹.

Однако, даже и успехи военной медицины (хирургия, санитария, офтальмология...), как показывает статистика потерь Большой войны и прямых ее последствий (гражданских и национальных войн, злоупотреблений и некомпетентности властей, голодовок, эпидемий, погромов, государственного и повстанческого террора), не идут ни в какое сравнение с этими потерями. С потерями не только материальными, демографическими, ландшафтными, но и с потерями нравственными, когда *сила права* прямолинейно и цинично – и притом

⁴⁹ Это же самое можно сказать и о послеверсальском репарационном ограблении Германии победившими державами Антанты.

⁵⁰ Мне, конечно, могут возразить, что производства такого рода (скажем, ювелирные, кружевные, художественные) служили и продолжают служить утехам прежде всего «господствующим классам». Так-то оно так, но свойственный этим производствам высокий статус человеческой выдумки, изобретательности и прилежания, их трудоемкость и – если можно так выразиться – *мыслемкость* всегда были и остаются неотъемлемой частью развития художественного опыта, а через него – научных и технологических знаний и – шире – самой эвристики человеческого мышления. И, стало быть, общественного богатства.

⁵¹ См.: *Майский И. М.* Указ. соч. С. 214-216. См. также: *Воронцова Е. А.* Указ. соч. С. 409-432; *Артемова М. Г.* «Дом Пастернака» во Всеволодо-Вильве // Пастернаковские чтения. Исследования и материалы. Вып. 3. – М.: ИМЛИ РАН / Азбуковник, 2015. С. 352.

в течение нескольких поколений – замещалось *правом силы*, когда *достоинство человека* перечеркивалось *притязаниями коллектива*. Обращенные против внешних противников системы нелегитимного принуждения и военно-конфискационной экономики, в конечном счете, обращались и против собственных народов. Системы тоталитарной власти легитимировали и подпитывали себя практическим опытом, «философией» и «эстетикой» массивного насилия, отравляя тем самым сознание и культуру поколений и создавая предпосылки и матрицы грядущих войн и разрух.

Тоталитарные способы организации жизни оказались историческими «душеприказчиками» Большой войны.

XX столетие накопило огромный источниковый (в частности, статистический, идейный и символический) материал на сей предмет. Этот материал далеко еще не востребован всерьез и не разработан. И освоение истории этой *антижизни* тем более трудно, что обыденному сознанию подчас даже не под силу представить себе ее размах. Большая война была «велика и страшна»⁵² сама по себе, не еще более «велики и страшны» были ее глобальные последствия.

28.02.2015 (Первая седмица Великого Поста)

⁵² Вспомним первую фразу «Белой гвардии» Михаила Булгакова; эта же фраза всплывает и на заключительных страницах романа.